

²⁴ Инструкция Попечительному Совету Казанского дома трудолюбия. Казань, б.г. 9 с. (см.: НА РТ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1. Л. 5-9).

²⁵ ПСЗ. Т. 27. Отд. 1. 1802 г. Собрание 1-е. СПб., 1830. Ст. 20266.

²⁶ Там же. Ст. 20267.

²⁷ Троицкий В. Исторический очерк Совета Императорского человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. СПб.: Государственная типография, 1898. С. 8.

²⁸ Впоследствии положение об Императорском человеколюбивом обществе, дополненное позднейшими законопроектами, вошло в 13 том Свода законов устава общественного призрения, издания 1892 г. См.: Свод законов Российской империи. Т. 13. Устав о общественном призрении. Глава 3. Ст. 447-482. СПб.: Издание Я.А. Канторовича, 1900. С. 122-123.

²⁹ ПСЗ. Т. 33. 1815-1816 гг. Собрание 1-е.-СПб., 1816. Ст. 26357.

³⁰ Троицкий В. Указ. соч. С. 15.

³¹ Там же. С. 58.

³² Свод законов Российской империи в 5 книгах / Под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 5. Тт. XIII-XVI. Т. XIII. Устав общественного призрения. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», б.г. С. 160-164.

³³ Троицкий В. Указ. соч. С. 68.

³⁴ Там же. С. 68-69.

³⁵ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань: Типография императорского университета, 1895. С. 381; Троицкий В. Указ. соч. С. 17.

³⁶ Троицкий В. Указ. соч. С. 316.

³⁷ Устав Казанского попечительного о бедных комитета. Казань: Губернская типография, 1873. 22 с.

³⁸ Устав Казанского попечительного о бедных комитета. Казань: Губернская типография, 1873. С. 1.

³⁹ Там же. С. 2.

⁴⁰ Там же. С. 3.

⁴¹ Устав благотворительного женского отделения при Казанском попечительном о бедных комитета. Казань: Типография А.А. Родионова, 1899. 7 с.

⁴² Краткая историческая записка о деятельности женского благотворительного отделения при Казанском попечительном о бедных комитета ведомства Императорского человеколюбивого общества за 25-летие (1874-1898). Казань: Типография А.А. Родионова, 1899. С. 5.

⁴³ Устав изменен и дополнен 4-22 ноября 1886 г.

⁴⁴ Краткая историческая записка о деятельности женского благотворительного отделения при Казанском попечительном о бедных комитета Ведомства Императорского человеколюбивого общества за 25-летие... С. 29.

Н.М. КАРАМЗИН В ЖУРНАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ, ЦЕНЗУРНЫХ МАТЕРИАЛАХ И ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1870-1890-х гг.

*Sapchenko L.A. Karamzin in periodic literature,
censorship materials and dissertation researches
in the 70th – 90th of 19th century*

Аннотация / Annotation

В статье опровергается расхожее представление о том, что место Н.М. Карамзина в русской культуре ограничивается началом XIX в. На самом же деле до конца столетия не угасал интерес к личности и произведениям писателя. Архивные источники свидетельствуют, что его творчество было живым явлением культуры, оставалось предметом острых дискуссий, формировало историческое самосознание русского человека, подвигало его к осмыслению российской действительности. В этой ситуации велика роль первых научных трудов, дающих объективную оценку карамзинского наследия.

A common view of the place of N.M. Karamzin in Russian culture confines it to the beginning of the 19th century. In actuality, however, the interest to the personality and the works of the writer had not waned until the end of the century. Archival sources give evidence that his works were a living cultural phenomenon, they remained a subject of heated discussions, formed historical consciousness of a Russian man and pushed him to comprehension of Russian reality. In this situation the first scientific works that give an objective evaluation of Karamzin's heritage play a great role.

Ключевые слова / Keywords

Исторический источник, Н.М. Карамзин, журнальная публицистика, цензура, диссертационные исследования. Historical source, N.M. Karamzin, periodic literature in the second half of 19th century, censorship materials, dissertation researches.

Расхожее представление о месте карамзинского наследия в русской литературе и культуре ограничивает его рамки конца XVIII – начала XIX в. В действительности же все обстояло иначе. Не только середина столетия, отмеченная изданием неопубликованных сочинений и писем Карамзина, подготовкой к его

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. № проекта 08-04-21401 а/В.

столетнему юбилею, не только шестидесятые годы XIX в., прошедшие под знаком этого юбилея, но и последние десятилетия золотого века русской литературы неотделимы от присутствия имени Карамзина в художественном и общественном сознании.

В 1866 г. по поводу карамзинского юбилея в Санкт-Петербургском университете слушателям предложены были «задачи» для соискания наград медалями и почетными отзывами за лучшее сочинение на предложенные (до 1 декабря 1868 г.) темы о заслугах Карамзина. По кафедре русского языка и русской литературы задана была тема: «О заслугах Карамзина по объяснению памятников древнего русского языка». Наград были удостоены: «золотой медали – студент IV курса Иван Галактионов; серебряной медали – студенты IV курса Иван Михайловский и Николай Юницкий»¹.

В 80–90 е гг. XIX столетия в Санкт-Петербургском университете были защищены диссертации выпускников на степень кандидата историко-филологического факультета²:

Н. Орнатский. «Николай Михайлович Карамзин и взгляд на происхождение и сущность сентиментального направления, отразившегося в его повестях» (1881)³;

М. Преображенский. «Биография Н.М. Карамзина» (1888)⁴;

Н. Егоров. «Н.М. Карамзин как преобразователь русского литературного языка» (1892)⁵.

Н. Орнатский останавливается на содержании и значении новиковского журнала «Детское чтение для сердца и разума», говорит о степени участия в нем Карамзина, о жанровых пристрастиях молодого автора, о его переводах и первых повестях, о его нравственно-эстетических установках и рекомендациях начинающим писателям: «Пишите, говорит он, и ваше имя будет незабвенно, но если хотите заслужить любовь потомства, то пишите так, как писал Геснер, – да будет перо ваше посвящено добродетели и невинности». Диссертант уделяет внимание проблеме влияния европейских авторов, в частности, Томсона, на творчество Карамзина. Карамзин «сравнивает Томсона со швейцарским или шотландским охотником, который всю жизнь, с ружьем в руке бродит по лесам и дебрям, и что ему полюбитя, что природа вдохнет в его душу, то он и изображает карандашом на бумаге. В другом месте Карам-

зин сравнивает Томсона с Сен-Ламбером, также замечательным писателем 18 столетия, и отдает первому полное преимущество, говоря, что Сен-Ламбер кажется ему приятным гостем Натуры, а Томсон родным и домашним. Поэму «Времена года» Карамзин ценил так высоко, что, по его словам, ничто не может сравниться с Томсоновыми «Временами года» – они просто зеркало природы»⁶.

Написанная М. Преображенским биография Н.М. Карамзина подкупает своим проникновением во внутренний мир писателя и историографа, останавливается на малоизвестных фактах из его жизни и – главное – делает попытку постижения глубинных основ его мировоззрения. М. Преображенский пишет: «24 ноября 1811 г., в день ангела Екатерины Павловны⁷, Карамзин подарил ей альбом, в котором своею рукою написал избранные места, главным образом, из Боссюэта⁸, из которых явствует, что Николай Михайлович следил за современным ему развитием философии на Западе и находился под влиянием идей Канта. Общий характер выписок тот, что он требовал от правительства, во-первых, уважения к тому, что развилось исторически, и во-вторых, решимости ограничить круг своей деятельности строгой бдительностью за тем, чтобы насилие и самовластие, с чьей бы стороны ни было, не препятствовали частным лицам совершенствоваться нравственно»⁹.

Диссертант характеризует отношение Карамзина к зарубежным откликам на его труд. «Около двадцати благоприятных отзывов об Истории на французском, немецком и италийском языках не тронули так Карамзина, как статья Le Moniteur Universelle, в которой было сказано, что потомство признает его честным человеком. Constitutionelle хвалил его за либеральность. Берне¹⁰ назвал Историю государства Российского мастерским произведением, в котором распределение частей соответствует цели, ясно и разумно, слог благородный, сильный и, где следовало, живописный, в котором (произведении) нет недостатка в превосходных рассуждениях. Берне особенно поражала ”откровенность, с которою Карамзин тепло и одобрительно выставлял некоторые принципы, от принятия которых в жизнь Россия еще так далека не столько потому, что правительству недостает любви к свободным

учреждениям, сколько вследствие недостатка в обществе чувства свободы»¹¹.

Свысоты того уровня, который достигнут сегодня в работах ученых, посвятивших свои труды изучению карамзинского наследия, названные диссертации не представляют собой ничего сенсационного. Однако здесь, как и везде, необходим исторический подход, предполагающий, в частности, воссоздание историко-литературного контекста.

В РГИА хранится Донесение цензора Лебедева в заседании Комитета 25 декабря 1870 г. о журнале «Отечественные записки» за декабрь № 12. В своем донесении цензор рассматривает отзыв П. Пятковского на 2-й том «Истории русской словесности, древней и новой» А.Д. Галахова. Рецензент считает, что автор книги необъективен к Карамзину и навязывает читателю свои личные взгляды, «по которым будто бы вся деятельность Карамзина должна быть священным заветом для потомства и что все, что он делал и писал, было хорошо, справедливо и последовательно». По мнению же Пятковского, деятельность историка-публициста была не совсем безупречна. Он был врагом всяких перемен и улучшений в политическом строе государства, самые полезные попытки общественной реформы он трактовал как революционные действия. Карамзин идеализировал тип власти в России и потому напал на Сперанского (стоящего, как считает Пятковский, в этом отношении намного выше Карамзина), обвиняя его «в разрушительных стремлениях пошатнуть установившийся веками строй государственной жизни». Пятковский характеризует взгляды Карамзина на народ, который казался ему «тупой и безличною массою, напрасно мешающей грандиозному шествию государственного идеала». Рецензент книги Галахова утверждает, что «не бывши никогда поборником свободы, Карамзин не только способствовал общественному усыплению своими радужно-патриотическими иллюзиями, но, не довольствуясь этим, вошел в открытую борьбу с зачинавшимся умственным движением противоположного свойства. Между тем <...> в новых стремлениях русского общества не было ничего ужасного и анархического, если бы образование Карамзина было бы в уровень с некоторыми передовыми деятелями того времени». Цензор Лебедев излагает далее точку зрения Пят-

ковского: «Эти люди желали воспользоваться грозными уроками истории, надеялись устранить своими комбинациями возможность повторения народных вспышек и установить тот либеральный политический строй, который пользовался в первую половину царствования Императора Александра I его сильною поддержкою». Затем, как указывает цензор, «в доказательство справедливости своих слов рецензент приводит выписку из проекта Сперанского о преобразованиях нашего государственного устройства на началах политической свободы, проекта, к которому склоняются все симпатии критики».

Из всего вышеизложенного цензор Лебедев делает заключение, что, хотя рецензент высказывается «весьма умеренно и ловко», «но тем не менее нельзя не заметить желание его представить идеалом государства не тот тип его, которым был доволен Карамзин и который существует у нас доньше»¹².

Цензурный Комитет все же не усмотрел в «тенденциозной» статье Пятковского данных для ее судебного преследования.

Член Государственного Совета, гофмейстер граф Д.А. Толстой, признав статью действительно тенденциозной, тем не менее не согласился с замечаниями Комитета. По мнению Д.А. Толстого, Пятковский, «упрекая Карамзина во вражде ко всяким улучшениям и переменам и в идеализировании того строя государственной жизни, который в то время существовал, имеет в виду существование при Карамзине крепостного права, которого он был усердным поборником, и отсутствие гласного судопроизводства и земских учреждений, так что с этой точки зрения нельзя не признать, что действительно, благодаря реформам нынешнего царствования, тип нашего государственного строя уже не тот, что был во времена Карамзина». Другими словами, мнение гофмейстера таково, что, Пятковского можно было бы обвинить в тенденциозности, «если бы он порицал совершившиеся ныне реформы; в статье же этого нет, и автор, напротив, является их жарким сторонником». Д.А. Толстой делает вывод, что рецензия Пятковского на книгу Галахова «не указывает собой на вредное направление издания» и потому ограничивается принятием к сведению поданного о ней представления цензурного комитета. «Совет полагает исполнить согласно заключению гофмейстера Толстого» (Отзыв

члена Совета Толстого по представлению в Санкт-Петербургский Цензурный Комитет о помещенной в декабрьской книжке журнала «Отечественные записки» статьи П. Пятковского под заглавием «Наши классики в характеристике г. Галахова»)¹³.

В 1925 г. Л.К. Ильинский¹⁴, процитировав слова В.Г. Белинского («Карамзин при первом своем дебюте, при первом появлении на сцену был встречен и громовыми рукоплесканиями и громовым свистом»), отметил далее: «Надо сказать, что мы и до настоящего времени в литературе о Карамзине слышим еще и отголоски рукоплесканий и, одновременно с ними, свиста. “Рукоплесканиями гремит арена”, когда празднуются юбилеи. 1866 год дал нам целый ряд работ о Карамзине, где мы находим панегирический тон... Среди этих панегиристов мы находим имена: Ф.И. Буслаева, М.П. Погодина, Н.Н. Булича, Я.Б. Грота, Н.А. Лавровского и других. В дальнейшем мы встречаемся с мнением К.Н. Бестужева-Рюмина, отметившего ряд заслуг Карамзина пред русским обществом и русской исторической наукой.

Но наряду с этим мы слышим и свист. А.Н. Пыпин, П.Н. Миллюков дали резко отрицательную картину культурного значения и заслуг Карамзина»¹⁵.

А.Н. Пыпин, касаясь только общественно-политической и оставляя в стороне литературно-художественную деятельность Карамзина, рассматривал его как противника либеральных реформ, выразителя консервативно-охранительной идеологии. В своих «Очерках общественного движения при Александре I» он видит в деятельности Карамзина только «своекорыстие и грубую лесть перед сильными мира сего»¹⁶. Н.Н. Страхов, отвечая на очерк Пыпина, встал на защиту Карамзина как деятеля, имевшего бесспорное значение в истории русской культуры. Пренебрежительное отношение Пыпина к Карамзину Страхов воспринял как личное оскорбление и написал большую статью, где горячо высказался о высоте помыслов и достоинствах Карамзина.

На эту полемику откликнулся С. Шашков. Соглашаясь с А.Н. Пыпиным, он высказался о том, что либерализм Карамзина ограничивался только фразой, что «великий» историограф всегда был пламенным адвокатом крепостничества. «Нравственная личность этого человека далеко не так привлекательна, как ее до сих

пор рисуют его поклонники. Стоит только прочесть его переписку, и вы увидите, как этот слезоточивый автор «Бедной Лизы» с грубым равнодушием торгует и меняется своими крепостными людьми, вы увидите, сколько угодливости и искательности в этом человеке, который говорил: «я презираю современных либералов; я люблю только ту свободу, которой не может отнять у меня никакой тиран»¹⁷.

В литературе и критике второй половины XIX столетия набирает силу известная и ранее тенденция к отторжению карамзинского наследия, к искажению созданных им героев и ситуаций. «Бедная Лиза», этот, без преувеличения, шедевр русской литературы был осмыслен как явление малохудожественное, не имеющее эстетической ценности, чуждое русской жизни. Совершенно не был оценен психологизм повести, глубина ее нравственно-философского содержания, ее значение для дальнейшего развития русской литературы.

Так, Н. Шелгунов в работе «Попытки русского сознания», пересказывая сюжет «Бедной Лизы», обнаруживает незнание текста повести, огрубляет и попросту перевирает его, исключая тем самым надежду читателей на верное постижение роли Карамзина в русской литературе: «Слабый и ветреный Эраст, увидев Лизу, стал мечтать, подобно Карамзину в Швейцарии, о тех временах, когда пастухи были братьями и когда ”все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни проводили“». Вообразив такие, никогда не существовавшие времена, Эраст забывает о своем дворянском происхождении, отрешается от всех социальных условий и предрассудков и предлагает Лизе руку и сердце (этого нет в повести. – Л.С.). Но одно непредвиденное обстоятельство помешало Эрасту поступить, как следовало. Обаятельный полумрак вечера, когда ”никакой луч не мог осветить заблуждения“, довел Лизу и Эраста до такого головокружения, что затем уже не было никакой необходимости в браке и обманутая Лиза бросилась в пруд»¹⁸ (самоубийство Лизы последовало после другого поступка Эраста. – Л.С.).

После такого прочтения произведения Карамзина вряд ли можно ожидать верной оценки его как писателя и мыслителя. И

действительно, Шелгунов заканчивает следующим: «Заслуга Карамзина ... есть заслуга отрицательная. Своей теорией он окончательно утвердил бессилие "чувствительного" направления там, где требовалась здравая критика и зрелая мысль. Русская мысль от Карамзина не приобрела ничего, и только выиграло немного чувство той грамотной толпы, которая на чисто литературных произведениях Карамзина получила охоту к чтению»¹⁹.

П.Н. Милюков в своей работе «Главные течения русской исторической мысли», в главе «Карамзин и его современники», пытается опровергнуть сложившиеся «мифы» вокруг заслуг историографа, «легенды» о «египетской пирамиде, исполинском труде» Карамзина. П.Н. Милюков считает, что результаты докарамзинской историографии оценены слишком низко, что задачей Карамзина было не историческое изучение, а художественный пересказ данных уже известных, при этом Карамзин изображал либо «неистовых кровопийц», либо «героев добродетели», что «историческая схема Карамзина есть, в сущности, та же схема, которая нам известна из историографии XVIII в.»²⁰ и т.д.

Распространявшаяся в списках «Записка о древней и новой России» вызвала отзывы о Карамзине, где его критика в адрес российских самодержцев (Павла, Петра I) давала повод обвинять его в приверженности идеям Французской революции. Так, неизвестный автор «Замечаний на "Мысли о России"», видя в Павле I великого деятеля, уничтожившего «все неприличные, несвойственные, несвоевременные начала Государственного Управления демократические и свободолюбивые» и водворившего на их место уставы и законы «священно-монархические», пишет о Карамзине: «...не постигая великих его (Павла. – Л.С.) целей, он громит легкомысленными порицаниями Царствование Великого Самодержца, спасителя России.

Набросим траурное покрывало забвения на слова и суждения Карамзина о царствовании Павла I. Знаменитый писатель ошибался. Главная его ошибка состояла в том, что он смотрел на Петра и на Павла I с точки зрения демократической и республиканской, с какой смотрят на них демагоги свободы и равенства из клубов парижских. Сожалею от души о заблуждениях одного из дарови-

тейших писателей русских, подчас жертвовавших правдой идеям своего века и прекрасным, витиеватым фразам»²¹.

«Эта раздвоенность мнений, – отмечал Л.К. Ильинский, – отчасти объясняется отсутствием научных исследований о писателе, захватывающих его деятельность во всем объеме. Но, кроме того, надо учесть и еще ряд факторов: прежде всего мы должны принять во внимание политические переживания русского общества, влиявшие на оценку писателя и его роли»²².

Таким образом, рассуждения выпускников историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета написаны были в то время, когда отнюдь не существовало согласия и единодушия в оценке значения Карамзина для русской культуры и литературы.

В 1902 г. вышла небольшая работа «Юбилейные поминки по Н.М. Карамзину и Н.В. Гоголю», где автор, приведя известное высказывание Белинского о том, что «и теперь» продолжается борьба точек зрения на Карамзина, пишет уже о своей эпохе: «Прошли десятки лет, а эти слова все еще "остаются в общем смысле верны"»²³. После минувшего юбилея 1866 г., когда столетняя годовщина дня рождения Карамзина вызвала последний крупный взрыв восторга и преклонения перед ним, все сильнее и сильнее распространяются взгляды скептиков, которые если и признавали в Карамзине символ, то лишь символ добродетельной ограниченности и ретроградства. Заподозревается искренность убеждений Карамзина, выискивается всякий разлад между словом и делом его, набрасывается тень на образование его»²⁴. И далее автор называет последние работы о Карамзине, написанные в подобном духе. В этом смысле показательно, что Учебный комитет ... по учреждениям императрицы Марии в 1903 (!) г. «не признал возможным допустить» издание повестей Карамзина (М., 1899) в библиотеки учебных заведений указанного Ведомства²⁵.

Таким образом, опора на многочисленные, в том числе и архивные источники, помогает доказать, что на протяжении XIX века наследие Карамзина было живым явлением культуры, при этом его оценки оставались полярными. Шли горячие споры о мировоззрении Карамзина, неуклонно возрастал интерес к личности

писателя. Наследие Карамзина формировало историческое самосознание русского человека, подвигая его к осмыслению своего места в истории и к оценке самой российской действительности. После 1866 г. образ писателя и историографа продолжал оставаться предметом острых дискуссий. Порой Карамзин воспринимался не просто как устаревшее, но и мертвое явление, заслуживающее полного забвения. Некоторые его произведения не были допущены в учебные заведения. В этой ситуации возросла роль первых научных исследований, дающих объективную оценку карамзинского наследия, обладавшего способностью отвечать на меняющиеся запросы времени. Открывались новые горизонты в осмыслении личности и творчества Карамзина.

Примечания

¹ Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению совета университета ординарным профессором по кафедре истории Востока В.В. Григорьевым. СПб., 1870. С. LXIII.

² Выражаю благодарность И.Е. Рудковской, доценту кафедры философии и социальных наук Томского государственного университета за указание на места нахождения названных диссертаций.

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 13. Д. 160.

⁴ Там же. Д. 1010.

⁵ Там же. Д. 70.

⁶ Там же. Д. 160.

⁷ Сестра императора Александра I.

⁸ Жак Бенинь Боссюэ (1627–1704) – французский писатель, епископ, представлен в карамзинском альбоме своими мыслями о том, что «возникновение и падение государств зависит от воли Провидения: оно руководит действиями мудрых государей, оно же дарует победу завоевателям и готовит им гибель в то время, когда они взойдут на верх славы и могущества; так что сами правители должны признать над собою власть, которая сильнее их» (*Н. Лыжин. Альбом Н.М. Карамзина // Летописи русской литературы и древности. М., 1858. Кн. II. С. 161*).

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 13. Д. 1010.

¹⁰ Берне Людвиг (1786–1837) – немецкий публицист, вождь «Молодой Германии». Проповедовал демократические идеи. Борьба за политические свободы была целью его жизни.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 13. Д. 1010.

¹² РГИА. Ф. 777. Оп. 2. Д. 60. Л. 118–119.

¹³ Там же. Ф. 776. Оп. 2. Д. 8. Л. 49 об. – 51.

¹⁴ Ильинский Леонид Константинович (1878–1934) – библиограф, литературовед.

¹⁵ РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 11. № 37. Из архива Л.К. Ильинского. Н.М. Карамзин и люди XVIII века.

¹⁶ *Пытин А.Н.* Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин. Записка о древней и новой России // Вестник Европы. 1870. № 9. С. 171–248.

¹⁷ *Шашков С.* Движение русской общественной мысли в начале XIX века // Дело. 1871. № 6. С. 150–156.

¹⁸ *Шелгунов Н.* Попытки русского сознания // Дело. 1874. № 2. С. 64–65.

¹⁹ Там же. С. 67–69.

²⁰ *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1897. С. 149 и др.

²¹ РО ИРЛИ. 4907. XXVI. б.3. С. 22. Замечания на «Мысли о России» неизвестного автора.

²² Там же. Р. 1. Оп. 11. № 37. Из архива Л.К. Ильинского. Н.М. Карамзин и люди XVIII века.

²³ Цит. по: *Пытин А.Н.* Очерки общественного движения в России при Александре I. СПб, 1885. С. 183–184.

²⁴ *Лобода А.* Юбилейные поминки по Н.М. Карамзину и Н.В. Гоголю. Киев, 1902. С. 17.

²⁵ О недопуске в библиотеки учебных заведений ведомства учреждений императрицы Марии «Повестей» Карамзина. М., 1899 (РГИА. Ф. 759. Оп. 26. Д. 544. Л. 20 об.– 21).

